

ВВЕДЕНИЕ И ОБОБЩЕНИЕ

0.1 МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

0.11 Предлагаемая книга имеет своим предметом синтаксис русского творительного падежа не во всем объеме, а лишь творительного беспредложного. Притом, разумеется, согласно требованиям современной лингвистики последовательно учитывается функциональная альтернатива и конкуренция с другими падежами. С другой стороны, рассматривается не только русский творительный в своей синхронии и диахронии, но отчасти и славянский творительный вообще, а именно двумя приемами: 1. Изложение фактов современного русского литер. языка, представляющее собственное ядро всей работы, основывается на исследовании динамики их развития с привлечением сравнительно-исторических данных. 2. Даются (обычно в заключение соответственных разделов) синхронные пространственные срезы нынешней славянской ситуации, предназначенные для того, чтобы освещение новорусского состояния стало более выпуклым и чтобы полнее выявились те итоги, которые были достигнуты отдельными славянскими языками вследствие дифференциации былой релятивно единой общеславянской точки отправления.

Таким образом, наполнение нашей книги во многом выходит за рамки русского языка, хотя ему и отводится центральное внимание, а общая концепция работы — синхронно-диахроническая. Что касается метода, мы стараемся, используя все ценное из сравнительно-исторической лингвистики, применять принципы современного структурного подхода к изучению языка; последнее в отношении диахронии сказывается, между прочим, в том, что по возможности не ограничиваемся одной только констатацией происшедших изменений, а ищем их системных причин и взаимосвязей.

0.111 Если в настоящем вводном разделе (имеющем одновременно и характер подытоживающего заключения) даются в самом сжатом виде общие аспекты данной тематики — тенденции исторического развития и сравнительный обзор нынешнего положения —, то при построении внутренней структуры отдельных последующих разделов работы нам важно: а) наметить приблизительную реконструкцию соответственного позднеславянского положения (посредством взаимосравнения архаи-

ческих языков со старославянским, древнерусским, древнечешским и в случаях необходимости и древнепольским); б) очертить древнерусское состояние и охватить общую динамическую линию развития в русском; в) провести структурный анализ данной семантической или функциональной категории в новорусском литературном языке, с попутным учетом диалектных и вообще нелитературных (главным образом народно-поэтических) явлений; г) включить получившуюся проекцию в более широкие рамки актуального состояния по остальным славянским литературным языкам, в числе которых особенное внимание уделяется чешскому (иногда возникает своего рода русско-чешское сопоставление).

0.12 Материальной базой работы послужило, кроме существующей научной литературы и всякого рода перенятых отсюда данных, прежде всего самостоятельное обследование текстов: старославянского,¹ древнечешского, древнерусского (11—18 вв.) и отчасти литовского языков, далее особенно новорусского языка 19—20 вв. (при охвате всех стилей и со специальной установкой на современную литературу) и, наконец, всех современных литературных славянских языков (кроме болгарского и македонского, имеющих аналитизм, а также нижнелужицкого). Последний из указанных пунктов был реализован в виде зондов объемом от 600 до 1200 страниц по каждому нынешнему славянскому языку; этого, правда, мало, но вместе с тем достаточно для того, чтобы вскрыть подлинно системные явления и предотвратить возможные заблуждения, всегда грозящие при непроверенном на тексте механическом заимствовании указаний грамматик, монографий и т. д.

0.13 По технической необходимости, не зависящей от воли автора, пришлось предельно сокращать, свертывать изложения и ограничиваться большей частью только „элементарной“ экземплификацией. Таким образом, предъявляемая вниманию читателя книга представляет, в общем, приблизительно только одну четвертую долю того, что было написано нами раньше и что явилось результатом изысканий нескольких лет. Сотни детальных наблюдений, аргументаций, сопоставлений и т. д. из-за недостатка места не могли войти в окончательную, заново переделанную редакцию работы. Примеров дается минимум, притом многие из них адаптированы в порядке редукции — остается лишь самое „ядро“ данного окружения с нашим падежом. Наконец, в целях экономии мы прибегаем к ряду сокращений чисто внешнего характера (творительный падеж → тв/п, славянский → слав., и т. п.), а также к свернутым формулировкам типа: „тв/п означает средство (причину, время, деятеля...)“ вместо раз-

¹ Набор материалов старославянского языка был произведен нами частью лично, частью же был предоставлен нам благодаря любезности М. Бауэровой.

вернутых, правильных: „имя в форме творительного падежа означает то, что говорящим воспринимается как средство осуществления действия (как причина, временная обстановка, деятель...)“¹. — При транскрипции др.-рус. текстов, произведенной по обычным упрощающим принципам, соблюдается графика данного книжного издания, чем объясняются, напр., некоторые несовпадения в выдерживании написания *ѣ* и *еро*.

0.14 Литература, прямо или косвенно относящаяся к русскому и славянскому тв/п-у, богата и она постоянно увеличивается; см. список на стр. 249 сл. (там и указания к приводящимся здесь в тексте работам). Однако цельная печатная обработка синтаксиса русского тв/п-а, опирающаяся на принципы современной лингвистики и освещающая актуальное положение на сравнительно-историческом и сопоставительном фоне, до сих пор отсутствовала; поэтому надеемся, что предлагаемый труд, приступающий к теме „извне“, не будет лишен интереса среди русистов, богемистов, да и славистов вообще. Из числа источников по синтаксису тв/п-а в русском языке — если не взирая на соответственные пассажи грамматик — особое значение имеют следующие: Потехня (обширный раздел о рус. и слав. тв/п-е в книге *Из записок* I-II, 443—534), Седелъников (обстоятельный тв/п в др.-рус.), Патокова (история предикативного тв/п-а), Ломтев (диахронно-синхронные части разделов в *Очерках по истор. синт. рус. яз.*), Сухотин (природа тв/п-а „вспомогательного материала“ в соврем. яз.), Иванова (причинный тв/п в др.-рус.), Финкель (подобный тв/п в соврем. яз.), в последнее время Уорс (Worth — остроумная попытка применения трансформационного метода к объяснению новорус. глагольных сочетаний с тв/п-ом) и Тихомирова (тавтологический тв/п).²

Относительно слав. языков вообще, кроме разделов в синтетических трудах Потехни, Миклошича, Вондрака и других, и кроме таких компаративистских статей, как: Френкель (предикативный тв/п), Бройер (тв/п производителя действия, в частности в ст.-сл.), Станишева (тв/п средства), особое внимание вызвал коллективный сборник *Творительный падеж в славянских языках* (М. 1958, под редакцией С. Б. Бернштейна).^{2а} Имеются и монографии о некоторых отдельно взятых слав. языках — польском (Лось), украинском (Тымченко), сербохорватском (Ивич — превосходит другие по широте охвата и теоретической концепции, близкой к структурной), словацком (Мико) и старославянском (Ходова, Бауэ-

² Совсем сжатый обзор употреблении беспрям. тв/п-а в соврем. рус. был нами опубликован еще раньше, см. R. Mrázek, *Užívání prostého instrumentálu v současné ruštině*, Kapitoly ze srov. mluv. rus. a čes. II, Praha 1961, 153—260.

^{2а} См. к этому рецензии: *Slavia* 30, 1961, 108—118; ВЯ 1959, 2, 132—136; RSI 22, 1962, 64—73; *Romanoslavica* 4, 1960, 372—376.

рова — последняя филологически тщательно обработала синтаксис целого тв/п-а в ст.-сл. евангелиях еще раньше в машинописной диссертации).

0.15 Не надо, полагаем, специально обосновывать, почему согласно нынешним взглядам на общую теорию падежей³ различают два принципиальных вида значимостей нашего падежа (как и других косвенных падежей): 1. значимости семантические (т. е. связанные с наличием конкретных грамматических значений, или же — в основном — адвербиальные, обстоятельственные) и 2. значимости несемантические (в основном — неадвербиальные, чисто синтаксические).

В первом случае существительное в форме тв/п-а как член предложения выполняет примарную роль обстоятельства, не подчиняясь своему господствующему члену в порядке формальной обусловленности и являясь факультативным компонентом высказывания. Внутри этой широкой категории мы устанавливаем восемь семант. классов: 1.1. тв/п социативный (с побочными вариантами псевдосоциатива), 1.2. инструментальный, 1.3. образа действия в широком смысле (с подклассами: собственно образ действия, напр. *сказал мягким голосом*, сравнение, напр. *полетел птицей*, совокушность и оформление, напр. *работали всей семьей, стояли рядами, сложил книги стопкой*), 1.4. меры, 1.5. ограничения, 1.6. причины, 1.7. места, 1.8. времени.

В случае неадвербиального, (чисто) синтаксического употребления (мыслится применительно к новорус.) имя в форме тв/п-а более или менее лишено конкретной грамматической семантики, причем данная форма требуется самим лексико-грамматическим характером подчиняющей части, обуславливается ею, или же тв/п чередуется с явно синтаксическим согласуемым падежом (напр. *он был моим другом // мой друг*); передко тв/п оказывается обязательным слагаемым фразовой структуры. Как член

³ Основопологающее значение тут сыграл: J. Kuryłowicz, *Le problème du classement des cas*, ВРТЖ 9, 1948, 20 сл. Помимо того — работы следующих авторов (названия и точные указания о них см. в списке литературы): L. Hjelmslev, A. W. de Groot, V. Skalička, R. Codel, M. Ivić, и авторов, отмечающихся ниже в § 0.34. Из числа русских лингвистов или русистов вообще свой вклад в современную теорию синтаксиса падежей внесли особенно: А. М. Пешковский, *Рус. синт. в науч. освещ.*, 1956, 23—31; В. В. Виноградов, *Русский язык*, 167—176; Р. А. Будагов, *Введение в науку о языке*, 1958, 236—248; А. В. Исаченко, *Грам. строй рус. яз.* I, 127—141; далее еще следующие: А. Б. Правдин (применительно к дательному, ср. ВЯ 1957, 6, 81—83 и Уч. зап. Института славяноведения XIII, 1956, 108 сл.), Е. В. Чешко (ВЯ 1960, 2, 50—56), А. М. Мухин (ВЯ 1957, 2, 19—30), Е. А. Бокарев (ВЯ 1954, 1, 30—46), К. Е. Майтинская (Вопросы грам. строя, Институт языкознания АН СССР, М. 1955, 226—249). Ср. также дискуссию на страницах „Русского языка в школе“ (В. Мигирин — 1953, 5, 1—4; Ю. В. Солоницын — 1955, 6, 1—3; Н. К. Кучеренко — 1957, 5, 41—45; М. Ханин — 1958, 6, 9—11).

предложения синтаксический тв/п выполняет три возможные примарные функции: 2.1. ф. субъектного дополнения (= субъектного определителя, напр. *дом строится каменщиками, крышу сорвало ветром*), 2.2. (объектного) дополнения (= объектного определителя, напр. *интересуется литературой*) и 2.3. предиката в широком смысле (т. е. либо собственно сказуемого — при связке, либо предикативного детерминанта, или же предикативного определителя — при прочих глаголах).

0.151 В присубстантивной позиции тв/п выступает несравненно реже, обычно в результате транспозиции. Тогда он, соблюдая свою примарную природу, получает производную синтаксическую функцию определения, либо обстоятельственного (напр. *дорога лесом*), либо необстоятельственного (напр. *командование армией*). Только малая часть определений, реализуемых формой нашего падежа, структурно и по самому своему назначению связана, вне транспозиции, с приименным положением; это касается особенно некоторых случаев тв/п-а ограничения (*москвич родом, выше ростом...*), большей части тв/п-а меры (*этажом ниже, двумя годами старше*) и одного бывшего варианта псевдосоциативного тв/п-а, т. н. качественной характеристики (напр. др.-рус. *два мужа лѣты древними*). Считаем методически целесообразным не отрывать атрибутивную функцию тв/п-а от соответственной примарной функции, и отмечаем ее обычно в заключении каждого большого раздела.⁴

0.2 ОБЩАЯ ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

0.21 В отдаленной древности индоевропейские падежи без предлогов-наречий были, в общем, значительно более семантически (адвербиальными), чем теперь. Десемантизация, т. е. постепенное ослабление конкретных значений, проходила неравномерно у разных падежей и представляла, собственно, их медленную синтаксизацию.⁵ Она, между прочим, вызывала с течением времени потребность сигнализировать некоторые конкретные, адвербиальные значения уже не одним только падежом, а предлогом + па-

⁴ Общий анализ и теоретическое объяснение всех возможных функций русского и чешского тв/п-а мы дали в статье *К вопросу о функциях беспредл. тв/п-а* от 1961 г. К присубстантивному тв/п-у (без предлога и с предлогом) на материале Лавр. лет. ср. статью И. В. Канорулиной, *Твор. падеж при имени существительном в др.-рус. языке* (указания к обеим статьям см. в списке литературы).

⁵ К возникновению и исконной природе индоевр. падежей ср. J. Baudiš, *Řeč*, Bratislava 1926, особенно 107; O. Hujer, *Úvod do dějin jazyka českého*, Praha 1946, 20 сл.; M. Deutschbein, *Bedeutung der Kasus im Indogermanischen*, Atti del III congresso internazionale dei linguisti, Firenze 1935, 141—145; Э. Беке, *Возникновение падежей в индоевропейских и финно-угорских языках*, Acta Antiqua, 1956, IV, 1—16.

дежом. (Падежи с предлогами, в свою очередь, позднее также отчасти лишались конкретности, и это влияло в качестве одного из факторов на внедрение в языке падежей с производными предлогами, передающими тонкие нюансы адвербиальных значений.)⁶ Творительный — это „многозначный“ падеж, у которого конкретные значения держались особенно устойчиво и долго. Еще в раннеписьменный период славянских языков он обнаруживает богатую гамму адвербиальных значений, унаследованных от праславянского и восходящих большей частью к эпохе индоевр. общности. Впрочем, как падежная категория он оформился только в славянском, балтийском и индоиранских языках, между тем как в других языках представлен лишь следами или полностью отсутствует, причем нельзя определенно решить, налицо ли здесь секундарное падение и парадигматическое слияние с другим падежом, или же неразвитие индоевр. рудиментов.⁷ Ясно, что отмеченное былое многообразие частных конкретных значений явилось не продолжением исходного состояния, а следствием длительной дивергенции от какого-то более узкого и более архаичного семантического ядра. Мы наталкиваемся, таким образом, на вопрос об „ископном“ значении тв/п-а. В отличие от прежних бесплодных попыток возводить все исторически засвидетельствованные значения нашего падежа (а также и остальных падежей) к единому первичному значению (то просекутивному — преобладало раньше, то социативному, то орудному), современная индоевропеистика, будучи гораздо скептичнее, склоняется к мнению о том, что в основу парадигматически оформившегося тв/п-а легли, вероятно, два допарадигматических образования: одно со значением социативным, другое — со знач. орудным, а именно благодаря их общей смысловой близости, при продвигавшемся некотором обобщении грамматического мышления.

0.22 Именно на базе наиболее конкретных, социативно-инструментальных, значений мало-помалу по разным направлениям отщеплялись, упрочивались дальнейшие частные значения, в общем уже более отвлеченные. Начавшаяся еще в праславянском, а затем усиливавшаяся частичная синтаксизация тв/п-а представляет, в свою очередь, дальнейшую, высшую ступень абстракции значений и соответственных синтаксических отношений. Особенно показателен путь от социативности-орудности к раз-

⁶ Исторической проблематикой соотношения падежей и предлогов занимался особенно А. Белић, *Падежная система и происхождение предлогов*, *Južnoslovenski filolog* 22, knj. 1—4, 1957/1958, 1—17.

⁷ Вообще „конкретные“ падежи (аблятив, локатив, инструментал) парадигматически стабилизировались только на части индоевр. территории, в то время как на другой ее части они, в основном, либо полностью не развились, либо слились с другими падежами. Тем не менее, как это общепризнано, применительно к индоевр. творительному можно в определенных случаях ссылаться и на примеры греческого датива (← датив, локатив, инструментал), и на примеры латинского аблятива (← аблятив, локатив, инструментал).

личным оттенкам образа действия и отсюда одной струей в направлении предикативного употребления. Важно заметить, что чистое социативное значение беспредл. тв/п-а к началу исторической эпохи слав. языков оказалось уже практически полностью вышедшим из обихода, получив свой десигнатор в конструкции с предлогом *сън* // *съ*. Псевдосоциативные беспредл. варианты продолжали, однако, жить еще долго.

0.23 Таким образом, положение на заре исторического развития слав. языков можно охарактеризовать следующими общими чертами. Функциональная сфера беспредл. тв/п-а была весьма экстенсивной, почти полностью доминировали адвербиальные значения. Притом их взаимное разграничение оказывалось мало отчетливым, а также обусловленность наполнения отдельных семантических типов со стороны лексики была небольшой. В силу этого повышалась имплицитность сигнализации того или другого частного значения и его индивидуального оттенка, т. е. многие контексты со стороны адресата допускали только приблизительную декодировку данной конкретной значимости тв/п-а, и встречались даже случаи семантической омонимии. Особенно бросается в глаза, что адвербиальный тв/п мог свободно обслуживать и любые отношения косвенного, отдаленного „возможнителя“, „содействителя“, „способствителя“ манифестации явления (притом в нем узואльно выступали и названия лиц), а также всякие отношения совместности проявления побочного пассивного признака (в виде нескольких типов псевдосоциативного значения).

0.24 На протяжении истории русского языка — с аналогиями в других слав. языках — наметились следующие общие сдвиги, диктовавшие, в конечном счете, стремлением к ясности информации и являвшиеся отражением совершенствования грамматического строя языка:

0.241 (а) Адвербиальные значения и подзначения, по необходимости утрачивая свою силу и коммуникативную отчетливость, отчасти и постепенно отмирают в тв/п-е и начинают обслуживаться предложно-падежными конструкциями. (Процесс этот, разумеется, восходит своими корнями еще к праславянской эпохе.) Особенно со времени формирования новорусского литературного языка и вплоть до наших дней наблюдается экпансия падежей с производными предлогами, гл. обр. в области отношений инструментальных и причинных, в деловом, публицистическом и научно-техническом стилях.⁸ Почти полностью из позиции семантического

⁸ Исторический симбиоз и конкуренцию тв/п-а с предложно-падежными оборотами в рус. яз. рассматривают особенно Т. П. Ломтев (*Очерки по истор. синт. рус. яз.*, 239 сл.), Е. А. Седельников (*Беспредл. констр. с твор. падежом в др.-рус. литер. яз.*, 112—178) и Н. А. Букатевиц (см. в списке литературы). Образование и распространение производных предлогов систематически изучает Е. Т. Черкасова, применительно к чеш. яз. поупно М. Елинек (см. также в списке литер.).

тв/п-а вытесняются названия лиц и значительно сокращается — в отличие от чеш. яз. — былая способность этого падежа выражать отношения более отдаленной, опосредствованной связи между действием и вызывающим (обуславливающим) его фактором. Детальнее: как категория целиком вышел из употребления псевдосоциативный тв/п (под. почти сплошь в остальных слав. яз.), несистемным явлением стало чисто причинное значение, были ликвидированы определенные подтипы семантики пространственной, временной и инструментальной.

0.242 (б) Кроме отсеивания частных подзначений и подтипов адвербиального тв/п-а происходят и лексические ограничения в возможностях наполнения некоторых из них, ср. напр. область значения широко инструментального и значение собственно ограничивающее (др.-рус. *человѣкъ именьмь Афанасий*). (Лексические ограничения могут, конечно, до некоторой малой степени касаться и синтаксического тв/п-а.) С другой стороны, по мере того как уцелевшие, „стержневые“ типы стабилизируются, более сплачиваются, размежевавшись от соседних типов, объем лексического наполнения некоторых заметно возрастает, гл. обр. в связи с расширением жанров и коммуникативных заданий литературного языка, ср. напр. тв/п совокупности-оформления или тв/п, указывающий род количественного данного (*электрический ток напряжением в 100 000 вольт*).

0.243 (в) Бесъема важную роль сыграла синтаксизация рус. беспредл. тв/п-а, достигшая к настоящему времени, видимо, релятивно наибольшей степени при пространственном всеславянском сопоставлении. Она означает, что функциональный центр тяжести нашего падежа отчасти переместился в сферу передачи отношений субъектных, объектных и предикативных.⁹ Чисто синтаксический тв/п — это вторичный и пока не заверченный результат десемантизации адвербиального тв/п-а, прежде всего орудного (тв/п субъекта, большей частью и объекта) и образа действия (тв/п предикативный, при некотором соучастии орудного значения). Названия лиц здесь — за малыми исключениями — фигурируют совершенно свободно.

0.244 (г) Совсем побочным продуктом, „осадком“ многовековых судеб рус. и слав. тв/п-а является лексикализация определенного ряда слов с формой этого падежа или сочетания слов. Она включает в себе три близких друг к другу явления: адвербиализацию (т. е. превращение в класс морфологических наречий), фразеологизацию и морфологическую грамматикализацию (т. е. окказиональное превращение нескольких лексем в форме тв/п-а в класс грамматических слов). Мы имеем дело с застывшими индивидуальными случаями, зачастую утратившими связь с продвинув-

⁹ Ср. подобную мысль Л. П. Якубинского, *История древнерусского языка*, М. 1953, 179—180.

шейся вперед синтаксической системой и выходящими за пределы собственно синтаксического исследования.¹⁰

0.2441 Морфологическая адвербиализация тв/п-а важнее других двух отмеченных явлений. Нами собран богатый материал к ней, не только по русскому, но и по остальным слав. языкам. За неимением места ограничиваемся здесь констатацией нескольких основных фактов; в материальных же разделах книги попутно отмечается переход некоторых соответственных слов в разряд наречий или тенденция целого типа к онаречиванию. Адвербиализации подверглись самые обиходные, прочно укоренившиеся в плане речи лексемы с формой тв/п-а и с синтаксической функцией обстоятельства.¹¹ Никакой другой беспредл. падеж по количеству адвербиализованных единиц далеко не выдерживает сравнения с тв/п-ом. По нашим подсчетам, в рус. имеется около пятидесяти ярких случаев ее, преимущественно в форме ед. ч., спорадически мн. ч. (напр. *минутами, временами*, устар. *верхами, саженками, задами*). Чаще онаречивались субстантивы со знач. образа действия, включая былой псевдосоциатив (*бегом, галопом, шепотом, оцупью, залпом, дулом, разом, добром, проходом...*), менее со знач. места и времени (*верхом, низом, боком, стороной...*, *порой, мигом, ночью, летом...* — ср. к этому § 1.8.541), изредка еще других семантических групп (*полностью, частью, чудом, случаем, грешным делом...*). Даже в языках, не знающих ныне беспредл. тв/п-а (лужицкий, словенский) или синтетической флексии, имеются некоторые реликты его, ср. словен. *križem, mahom, mestoma, strahoma, nameloma* (плюральных образований на *-oma* здесь больше), болг. *денем, пощем, даром, бегом, силом, редом*. Любопытно (и это можно было бы предполагать и а priori), что многие такие наречия показывают поразительный лексико-предметный параллелизм по слав. языкам.

0.2442 Случаев приобретения способности выступать в роли грамматических слов находим лишь ничтожное количество. Сюда входят, напр., ст.-сл. и др.-рус. союз ТЪМЪ (также др.-чеш., по единично, *tiem*, до сих пор укр. *тим*), ТЪМЪЖЕ, ИМЪЖЕ — все со знач. „потому“, рус. предлоги *путем, рядом с*, союзы *чем — тем* (под. в других яз.), *частью — частью* (также с инослав. параллелями), *даром что, тем более что*, укр. предлог *протигом* „в течение“, белорус. союз *быццам* „как будто“, польск. предлог *celem* „с целью“, союз *skutkiem*, чеш. предлоги *kolem, bĕhem, vzhledem k*, словац. союз *kým*, сербохорв. предлог *prilikom* „по случаю“, союз *ĉim* (под. польск. *czym*).

0.2443 Фразеологизация, в отличие от адвербиализации, не сопряжена с обстоятельственной функцией, и в ее процесс вовлекаются и сочетания с синтаксическим тв/п-ом. Еще применительно к др.-рус. можно говорить о некоторых фразеологизмах,

¹⁰ Так как в них могут сохраняться реликты древнего системного состояния, то лингвист может их использовать для некоторого подкрепления соображений диахронического порядка, но ни в коем случае не должен приводить их в качестве аргументов (или примеров) для подкрепления синхронной системной ситуации.

¹¹ К застывшим древним инструментальным образованиям (возможно и допарадигматическим) восходят, как полагают, и такие образования, как *kudy, tudy* (укр. и белорус. *кудю, тудю, сдюю*), *единою (jednou)*, *тѣгда, kdy*, возможно и эти „русски“, „польски“, *mlĕku* и нек. др. Об относительной древности процесса адвербиализации свидетельствует, между прочим, вероятно и ст.-сл. НОШТЬЮ, ДЪНЬЮ. Проблематикой адвербиализации в слав. языках занимается особенно И. Трыпушко. — Относительно новорус. состояния конкретные (неполные) перечни приводятся в нашей указанной уже статье об употреблении тв/п-а в соврем. рус. яз., 204—206. Ср. также В. В. Виноградов, *Русский язык*, 1947, 359.

ср. бити челъмъ, пасти (лечи) костью // костью, ити ратью, ити (ходити) войною, взяти копиемъ (щитъмъ), зайти мечемъ, головою выдати, уйти голыми головами. Из новорус. криводим, напр., архаические *идти (собраться) войной, выдать головою, лечь костью, питаться Христовым именем*, далее — в распределении по синтаксической природе: *слушать краем уха, ручаться головой, видеть своими глазами, он туда ни ногой, встать грудью за кого; кормить завтраками, зависть горе веревкой, вышибать клин клином, взять замором, клеймить позором; спать мертвым сном, писать каракулями, кричать благим матом, ходуном ходить; пойти прахом (хиню), дело клином сошлось, согнуться кольцом; выглядит молодцом, пройти фуксом, ехать зайцем, стоять идолом, рассыпаться мелким бесом перед кем, стоять горой, дым коромыслом пошел, всё пойдет колесом, гвоздем засесть; болеть душой, воспрянуть (надать) духом; поникнуть головой, глазом не моргнуть, не тронуть пальцем, ухом не повести, трепать языком, истекать кровью, трянуть стариной, пораскинуть умом, кривить душой, забросать грязью; увенчаться успехом; как рукой сняло, пахнет порохом; учиться самоучкой, сдавать экзамены экстерном, быть чьей-н. правой рукой, дорога скатертью!, грузить навалом, послать бандеролью (заказным письмом), платить (получить) авансом.*

0.3 ОБЩАЯ СИНХРОНИЯ РУССКОГО И СЛАВЯНСКОГО ТВОРИТЕЛЬНОГО

0.31 Функциональные устои нынешнего рус. тв/п-а следующие:

1. категория инструментальная, гл. обр. за пределами деловых стилей и поскольку налицо непосредственная связь между орудием и реализуемым действием; 2. категория образа действия в широком смысле, включающая разнообразные оттенки значения „временно внешнего облика“, т. е. совокупности-оформления, а в меньшей мере также сравнения и превращения; 3. времени (на узкой лексической базе), и до некоторой степени и места; 4. синтаксического тв/п-а во всем объеме.

0.32 При более высоком обобщении можно установить две широкие функционально-семантические зоны нашего падежа, покрывающие практически все частные значимости (их, однако, не следует отождествлять с указанными двумя основными видами употребления этого падежа, адвербиальным и неадвербиальным). Это: 1. тв/п „овозможнителя“ (но в отличие от древнего языка уже не любого) и 2. тв/п „проявления признака“. ¹² К первому можно было бы приблизительно отнести весь адвербиальный тв/п кроме категории образа, далее тв/п субъектный и объектный. Другой же охватывал бы весь широко предикативный тв/п, а также тв/п образа.

0.33 При попытках сформулировать основное значение — это предполагает пренебрежение всем нетипичным — встают немалые затруднения.

¹² Опираемся здесь на соображения Р. Якобсона, *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, 264—267, считая однако, что выдвигаемую им третью зону (знач. ограничения) можно еще органически подвести под знаменатель тв/п-а „овозможнителя“.

По-нашему, оно заключается не столько в передаче отношений инструментальных, сколько скорее отношений образа — проявления господствующего признака. Притом, разумеется, следовало бы понимать инструментальность как специфическую разновидность образа (*резать ножом, ответить улыбкой...* — возможно тут и обратное понимание: образ как разновидность инструментальности), а объект — как нечто, на чем проявляется господствующий признак. Очевидно, что такая концепция, как и всякая другая концепция, по необходимости сильно упрощает положение дел.

0.34 Структуральная лингвистика настоятельно выдвигает мысль о наличии общего значения, свойственного любому языковому знаку. Постичь общее значение отдельных падежей, однако, не так-то легко, ибо их не два, три, а в слав. языках шесть или семь. Приходится: 1. прибегать к предельной абстракции, 2. устанавливать не одну корреляцию, а две, три параллельных корреляции по отношению к другим падежам. Система функций русских падежей и их взаимоотношений за последнее время не раз являлась предметом исследования структуралистов (особенно Якобсон, далее Эбелинг, Сёренсен, Чешко — данные см. в списке литературы). На наш взгляд, вряд ли можно — при желании охватить все частные, комбинаторные значимости — дать что-либо более конкретное и более подходящее насчет тв/п-а, чем дал Якобсон, согласно которому: 1. Тв/п означает то, что во всем сообщении занимает периферийное положение. 2. Тв/п характеризуется одним положительным признаком (периферийный падеж) и двумя отрицательными признаками (падеж не-объемный и ненаправленный); в общем, у него имеется три корреляции: с дательным (периферийным, но маркированно направленным), с именительным (во всех отношениях немаркированным, исходным падежом) и локативом (периферийным, но маркированно объемным падежом).

0.341 Общее значение каждого падежа, представляя инвариант, обеспечивает и единство его как категории, реализующейся посредством тех или других комбинаторных значений в конкретных высказываниях. (Возможно, общее значение допустимо было бы понимать как инвариант инвариантов, поскольку оно базируется на определенном небольшом количестве подчиненных стержневых значений — инвариантов низшего уровня, внутри которых, в свою очередь, происходит варьирование в плане речи.) Общее значение тв/п-а, равно как и других падежей, с особой отчетливостью выявляется при параллельной альтернации с другим падежом в той же конструкции или в двух близких конструкциях (исходной и ее трансформе). Ср. *бросать камнями* || *бросать камни*; *говорить резкими словами* || *говорить резкие слова*; *он был великим писателем* || *он был великий писатель*; *течением отнесло лодку* → *течение отнесло лодку*; *картина написана*

художником ← художник написал картину. Благодаря общему значению гарантируется хотя бы минимальная коммуникативная ценность изолированно употребленных падежей; ср. такие неглагольные информации, как: *не мытьем, так катаньем; огнем и мечом; переводчиком поневоле; дорогой испытаний и побед; полным светом* (частью по газетным заголовкам).¹³

0.35 Тв/п в системе соврем. рус. языка отличается от прочих падежей не только своим общим значением, обусловленным отмеченными противопоставлениями. Для него характерна высокая зависимость данной индивидуальной значимости от дистрибуции, т. е. от изменяющегося конкретного лексического наполнения или окружения; у других падежей это имеет место несравненно меньше. Ср. (1) *она знавала его жандармом; он знавал ее жандармом; он налетел жандармом на детвору; он пригрозил жандармом бродяге; он был назначен жандармом; он был убит жандармом* (по Якобсону, указ. соч. 268); (2) *он ел ребенком икру; он ел пудами икру; он ел ложкой икру; он ел дорогой икру; он ел утром икру* (по Якобсону, *Морфологические наблюдения...*, 4); (3) *писать пером; писать стихами; писать ночью*; (4) *толочь камнем; упасть камнем; пользоваться камнем; был убит обрушившимся камнем; являться камнем* (по Исаченко, *Грамм. строй...* I, 127); (5) *учреждение руководится директором; комната наполняется толпой; студент порезался бритвой; Иван вернулся стариком; баржи тянулись рядами* (ВЯ 1960, 1, 114).¹⁴

0.36 С многозначностью тв/п-а и обилием его возможных функционально-семантических оттенков стоит в связи и нередкое их переплетение, взаимонаслоение, а также эвентуальная нейтрализация (к последнему случаю ср., напр.: *письмо обсуждалось всей землянкой* — Т: → *вся землянка обсуждала письмо* // *письмо обсуждали всей землянкой*). Особенно характерны тонкие смысловые взаимопереходы между сферой предикативного употребления и всякого рода „псевдопредикативными“ тв/п-ами по направлению к значению сравнения, превращения (фактического или мнимого), оформления-внешнего облика. В противоположность былому состоянию, однако, это почти никогда не бывает в ущерб коммуникативной ценности, ибо пучки главных частных значений достаточно определены

¹³ На материале чеш. языка исследуются значения изолированно употребленных падежей в статье: D. Konečná, *Poznámky k významům „izolovaných“ pádů v současné spisovné češtině*, Slovo a slovesnost 21, 1960, 24 сл.

¹⁴ Благодаря лексике выступающих в форме тв/п-а существительных выявляется его значение и в случаях коллизии двух тв/п-ей, даже зависящих от того же подчиняющего слова. Ср. *Другой рукой проворно действовал ложкой Кат.*, Сын п. 34; *Обменивались шепотом двумя-тремя фразами Чук.*, Балт. небо 430; *Станция была взята кавалерийским полком атакой Брат.*, От М. до Б. 78. Однако пассивных конструкций вроде: **Гротгар был посыпан песком дворником язык избегает.*

и взаиморазграничны. Только теоретико-интерпретационные затруднения подчас возрастают, особенно при оценке некоторых примеров из художественной литературы. Все важные смежные и переходные области учитываются нами в следующих частях работы, и мы стараемся выяснять сущность подобного синкретизма или семантической близости не только интуитивно, но при необходимости и в порядке трансформаций.

0.37 Современ. русский беспредл. тв/п обладает большим функциональным диапазоном. Хотя он остается падежом в немалой мере семантическим, адвербиальным, сохранившим некоторые весьма интересные древние типы, то все-таки степень его синтаксичности велика. Это подтверждается приоритетом во всеславянском масштабе его широко предикативного употребления, строгой последовательностью его постановки в роли субъектного определителя (одушевленного и неодушевленного), а также закреплением реализуемого с его помощью объектного управления за значительным количеством слов. К настоящему времени он оказывается продуктивным именно в своих чисто синтаксических функциях, между тем как в функции обстоятельства наблюдаются и некоторые регрессивные тенденции.

0.38 Отметим вкратце общее синхронное положение по остальным слав. языкам.

Наибольшее типовое многообразие беспредл. тв/п обнаруживает в восточнослав. языках, несколько меньшее — в западнославянских; в южнославянских языках, т. е. в сербохорв. и словен., его встречаемость в общем наименьшая. Любопытно, что польский язык сближается скорее с восточнослав. средой, нежели с остальными западнослав. языками. Если иметь в виду литературные языки, то в лужицком и словенском он ныне употребляется только с предлогом *z* (луж.), или *s/z* (словен.); подобным образом обстоит дело в кашубском.

0.381 Украинский отличается от рус. лишь некоторыми менее важными чертами, как-то: меньшим использованием временного, а большей емкостью местного тв/п-а, частичным сохранением тв/п-а лица-посредника, возможностью постановки предикативного тв/п-а при чистой связке в форме *e*, несколько более частым употреблением предикат. оборота *za* + вин. п., встречавшейся до недавнего времени конструкцией *vid* + род. п. для обозначения одушевленного производителя действия в страдат. конструкциях.

0.382 Белорусский во всем основном совпадает с рус., отклоняясь от него несколькими мелочами, сближающими его с поль. или укр. языками.

0.383 Чешский во всеслав. срезе примечателен двумя чертами: наибольшим сохранением причинного и местного значений нашего падежа.

Относительно устойчивым является и широко инструментальное значение (включая ограниченное использование названий лиц, а также узуальную передачу с помощью тв/п-а отношений посредничества), невзирая на то что в народной и обиходной речи сюда нередко проникает социативная предложно-падежная конструкция.

0.384 Словацкий, сильно напоминая чеш., расходится с ним в двух явлениях: это заметно меньшая жизнеспособность причинного тв/п-а, а также немного более узкая база местного тв/п-а при выражении пути движения сквозь отверстие. С другой стороны, он отчасти превосходит его несколькими деталями, напоминающими польско-восточнослав. узус (напр. адвербиализованным тв/п времени).

0.385 Польский, как было сказано, стоит ближе к рус., чем к другим западнослав. языкам (ср. напр. тв/п совокупности-оформления, времени, предикативный). Во всеславянской перспективе он бросается в глаза наибольшим развитием узко предикативного тв/п-а при чистой связке (в частности, в формах настоящего времени), а также отсутствием субъектного тв/п-а, означающего лиц в страдат. конструкциях (сходство с сербохорв.).

0.386 Верхнелужицкий тв/п, употребляясь всегда с предлогом, характеризуется почти полным отсутствием в живой речи предикативного тв/п-а (но в письменном языке он теперь встречается), сохранением причинного значения, как и местного значения в варианте пересеканий пути движения через пространство-отверстие.

0.387 В южнославянской ветви особое положение занимает только сербохорватский. Для него типично релятивное превалирование адвербиального тв/п-а, но малая жизнеспособность, и даже регрессия синтаксического тв/п-а (своеобразная противоположность рус. ситуации). В пределах первого примечательно наличие ряда архаических подтипов (частью в отличие, напр., от чеш., и аналогично русскому), включая даже пережиточное сохранение беспредл. псевдосоциатива (напр. *ode kući oborenom glavom*). В некоторых случаях проникает тв/п с предлогом *s*. Предикативный тв/п по частотности стоит за чеш., база объектного тв/п-а скорее суживается, а субъектный тв/п агента-лица, как и в поль., вовсе не представлен.

0.388 Словенский употребляет тв/п с предлогом *s/z*, невзирая на социативные отношения, вообще мало. Его функционирование — еще ярче, чем в лужицком — как будто соответствует немецким конструкциям с предлогом *mit*, т. е. мы встречаемся с ним обычно только как с десигнатором некоторых отношений инструментальных, образа действия и объектных. Предикативный тв/п окончательно вышел из обихода, но весьма характерен архаичный т. п. второй предикативный винительный (ср. *dela se nevednega*).